Осипенко Алла 16.09.98

Культура. – 1998. – 10 – 16 сент. – с. 13

Птица-феникс Алла Осипенко

снова появилась на сцене

По красоте и совершенству линий ее сравнивали с Ольгой Спесивцевой. Общим со Спесивцевой было и неблагополучие судьбы. Обе балерины были трагическими символами своего времени, и каждой предназначалась участь аутсайдера. Осипенко могла бы повторить вслед за Ахматовой:

А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

Но за ее взлетами и падениями чудится поэтика лермонтовского "Паруса": "А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой..."

Большую часть времени Осипенко проводит за границей. Но в этом году она задержалась в Петербурге: неутомимый Александр Белинский пригласил ее на главную роль в спектакле Театра музкомедии "Жизнь артиста".

Фото В. ПЛОТНИКОВА

Сцена из балета "Баядерка". Гамзатти – А. Осипенко, Солор – С. Викулов

– В самом спектакле не пришлось менять что-то "под меня". Наоборот, все встало на свои места хотя бы потому, что для главной роли артистки Музкомедии слишком молоды. Моя героиня приехала откуда-то из-за границы, приходит в театр, в репетиционный зал и вспоминает, как работала, как ее выгнали на пенсию, как появилась внучка, которая тоже пошла по тернистому актерскому пути. Вторая часть спектакля – бенефис артистки. Здесь мне ничего не надо делать: просто стой и принимай поклоны. Правда, танцую там танго.

– Почему именно оперетта?

– У меня связано с ней много воспоминаний – они накопились за годы, проведенные в Ленконцерте. Даже если кому-то покажется, что сумасшедшая Осипенко опять во что-то ввязалась, то мне на это наплевать. Я думаю только о том, что получится на сцене. Все танцуют, никто на меня не в обиде. Ни на чье место я не лезу. Это главное. Я – не интриганка. Все довольны, и мне от этого хорошо.

– Алла Евгеньевна, как часто вы приезжаете в Петербург?

– Не часто. Обычно раз в год. Но сейчас отказалась от летней работы в Хартфорде. Специально заключила контракт с сентября по май, чтобы освободить лето. Я могла бы плюнуть и на это, но... Во-первых, растет внук. Я нужна ему. Во-вторых, если я потеряю контракт, мне попросту не на что будет жить. Пенсия – 373 рубля. Я уходила со сцены с окончательным расчетом в 186 рублей – не могла даже выкупить вещи из ломбарда.

– В чем заключаются ваши обязанности в Хартфорде?

– Я педагог и репетитор. Репетирую возобновляемую классику. Сейчас в труппе появился хороший русский мальчик, внешне напоминающий Марковского. Хочу передать ему па де де из знаменитой "Ледяной девы". Там даже не подозревали, что у нас в России в 1927 году могла быть создана такая хореография. Так и сказали: "Не может быть"... Также преподаю танец. Воспитала кордебалет для этой компании. Девочки, конечно, особенно не блещут способностями, но танцуют "в стиле". За их "вагановские" руки могу ручаться. И потом я заставила мыслить иначе: не "заплатил деньги и пришел", а "пришел, потому что люблю". Этого раньше не было. Могли стоять и зевать тебе в лицо – от этого я тоже отучила. Печально, что в массе своей американки чужды культуре. Когда я сказала ученицам что-то о Тальони и Эльслер, они смотрели на меня пустыми глазами: не знают, кто это. И самое ужасное – их это не интересует.

– Какие люди сыграли важнейшую роль в вашей жизни?

– Если говорить о творчестве, то, конечно, муж, Джон Марковский. До встречи с ним я ненавидела систему Кировского театра. Все твердят: не сделан спектакль. А как он мог быть сделан! Приходит партнер на "Лебединое": выписаны три репетиции. Попробовали туры за палец, туры с руки, и до свидания. Я безумно искала постоянного партнера на сцене, с которым можно было бы решать творческие проблемы... Потом – Никита Долгушин. Он буквально втащил меня обратно на сцену после тяжелейшей депрессии. Поэль Карп, Марина Шамшева, Татьяна Вечеслова. И, конечно, моя семья. Мой дядя – пианист Софроницкий. Я росла в семье бабушек. Жили по старому дворянскому укладу: в 8 утра чай, в час – завтрак. Они говорили: "Ляляшка, мы пережили пятерых царей – Александра II, Александра III, Николая II, Ленина и Сталина". Для них не существовало разницы. Они жили по другому времени. Вероятно, это сказалось и на мне: всю жизнь я шла не в ногу.

– Что для вас важнее: победы или поражения?

– Поражения. Они заставляют задуматься и сделать выводы для себя. А победы... Это сейчас говорят и ахают. Когда я танцевала, ничего подобного не было. Много критиковали. Я не почивала на лаврах. Всегда казалось: это плохо, и это, и то. Новый же спектакль – это общая победа, а не лично моя.

– С какой ролью вам было труднее всего расстаться?

– Эта роль – сцена. Я недавно смотрела по телевидению интервью с Катей Максимовой. Оно меня огорчило. Знаю, какую жизнь прожила Катя, сколько на ее пути было препон. И после этого говорить: да, я ушла со сцены, и меня это не волнует, я обрела себя в другом качестве. Это совершенно другое качество! Расстаться со сценой – это почти как расстаться с жизнью. Ты выходишь из театра, подав заявление, оказываешься на улице, и вдруг тебя пронзает: ты больше никто. Будто и не было ничего. Все ушло. Провалилось. Меня не волновало мое социальное положение. Главное, я не любила преподавать. До сих пор не люблю. Не вижу смысла. Катя говорит: вот девочка обещающая. Допустим, это так. Но если я двадцатилетней девочке буду передавать то, что нажила сама, свою трагедию, боюсь, она меня не поймет. Она с этим не справится. А просто учить танцевать мне не интересно. Интересно вырастить личность. Но трудно встретить такого ученика. Сейчас я рискую вновь появиться перед зрителями, потому что не представляю себя вне сцены.

– Алла Евгеньевна, как вы считаете, человек – хозяин своей судьбы?

– Не знаю, что такое хозяин. Мне часто говорили: характер ломает вашу судьбу. Но с другой стороны, именно судьба формирует характер. Раньше я была веселой хохотушкой. До первой травмы. Вернулась в театр только через два года. Говорили, что я никогда больше не смогу танцевать. Вот это характер: победить свою травму. Я победила и пришла. И этим обрекла себя на все последующие мучения. Но ни минуты не раскаивалась: значит, это судьба. Я – фаталистка. Не знаю, как можно построить свою жизнь, не умею этого и не умела. Можно попробовать. Например, я хочу быть рядом с внуком. Все бросаю, приезжаю и живу здесь. Тогда вопрос: где я возьму на это деньги? Значит, я должна снова возвращаться в Америку. Видите, теоретически я могу переделать свою судьбу, как захочу. Но все-таки иду у нее на поводу. Значит, это фатум, и иначе нельзя.

– Что труднее всего вам преодолевать в себе ради профессии?

– Приходится до старости лет отказывать себе в еде. Но к этому я привыкла. Это нетрудно. Бог дал мне фигуру, которую хореографы смогли оголить, показать такой, какая она от природы. Поэтому я ее берегу. Не хочу, чтобы ученицы видели меня толстой – ведь от них я требую стройности. Но самое тяжелое – это травмы. Всю жизнь травмы. После первой восстанавливалась два года. Тогда и познакомились с Никитой Долгушиным. Мне было 22, а он учился в 4-м классе. Я приходила в их класс разрабатывать ногу. Знала, что Евментьева – хороший педагог, и к тому же полагала, что у мальчиков проще экзерсис... Потом пошло-поехало: одна травма за другой. Ахилла нет, руки были все переломаны, плечо вывернуто, в тазобедренные суставы железо вставлено. Операции, операции, операции.. Но именно первая травма и научила меня преодолению. К сожалению, в жизни я не всегда была способна что-то преодолеть. Я – слабый человек. Подчас не могу настоять на своем. Как сказал Никита: "Я думал, вы – ведущая, а вы, оказывается, ведомая".

И одиночество: восемь лет абсолютно одна. Вот сейчас нашла свое давнее письмо к сыну: "Вы не понимаете, что такое жить в чужой стране, среди чужих людей. Совсем одной. Ведь у вас семья. Даже в ссорах семья. Я все должна вынести в полном одиночестве". Это тоже преодоление, тоже судьба.

– В одной из статей о вас было написано: "Жизнь, как самоубийство". Но все-таки жизнь. Вероятно, что-то всегда удерживает вас у последней черты?

– Последняя черта... Это закончилось не так давно. Я падала долго. Близкие всегда говорили: "Ну, Осипенко, ты просто птица-феникс. Вот уже, кажется, пепел, а ты встаешь и снова куда-то идешь". Видите этот нефрит? (*Указывает на кулон*). Его подарил мне один китаец. На этом талисмане – птица-феникс. Значит, можно почувствовать человека, абсолютно его не зная!

Когда я ушла, все словно забыли, что вообще такая существовала. Это был 1981 – 1982 год. Мама устроила меня вахтером в какой-то институт. Сказала: "Алла, ну надо выходить на люди как-то". На что я ответила: "Я лучше сопьюсь под забором, чем пойду работать вахтером". Не считаю эту профессию унизительной, но для меня... Я не могла перейти на такую работу... Крошечная пенсия. Семья, которую надо кормить. Одиночество. Не могу без ужаса вспоминать то время.

– Вы помогали художникам-неформалам. Как это было?

– Первый муж был художником. Много художников было и среди знакомых. Еще помнилась всем "бульдозерная выставка". Мне предложили: "Алла, давайте рискнем. Мы уже десять лет не знаем, кто над чем работает, кто как думает". У меня была квартира 200 метров. В ней и разместили выставку. Она просуществовала месяц. Потом нагрянула дирекция Ленконцерта – прорабатывать меня. На дверях квартиры вывесили табличку "Выставка закрыта". Три дня я сидела под домашним арестом – решали, что со мной делать. Потом поняли, что сажать вроде не за что. Вызвали в обком партии: "Вы неглупая женщина, как вы могли такое сделать?" "Знаете, – отвечаю, – и на старуху бывает проруха. Но я не считаю это такой уж прорухой. Было очень интересно. Люди увидели интересные работы". Ответом мне было: "Ну, мы надеемся..." И все в таком духе. Всю жизнь они так и надеялись напрасно на мое "благоразумие". "В партию хотели вас принять, а вы..." Перебиваю: "А я вас просила?"

– Что самое ценное вы приобрели за последние годы?

– Приобрела... Потерь было много. Приобрела – в жизни каждому пригодится, особенно актеру, – веру в то, что надо надеяться только на себя, на свои силы. Стала спокойнее, тверже. Раньше боялась, что этот скажет, что – тот, и в итоге – сидишь и ничего не делаешь. Я приобрела мужество.

– Что значит для вас дом, семья?

– Уютным мой дом был только до войны: когда были бабушки, а я была маленькой. Была какая-то другая жизнь... Вообще я заметила: если уйти из жизни в 30 лет, то этот временной промежуток окажется длиннее прожитых потом лет. От 30 до 40 – так-сяк. А после сорока отсчет идет все скорее и скорее. "Время гонит лошадей". Жизнь прошла какими-то эпизодами. Я не ощущаю груза лет – как ощущала его в 35. Не тороплюсь жить. Единственное, чего я по-настоящему хочу, это быть хорошей бабушкой своему внуку. А остальное: пришло – спасибо, не пришло – тоже не проблема.

– И как вам в амплуа бабушки?

– Отлично. Правда, внук часто говорит: "Бабушка, когда ты будешь старенькой..." Или: "Бабушка, ты у меня все-таки ку-ку". Я хочу, чтобы он был богат духовно. Не гнался за деньгами. Все самое значительное получалось у меня именно так. С Сокуровым, Алексидзе, Чернышевым, Григоровичем я работала бесплатно. У Якобсона проработала два года, получая всего 70 рублей в месяц, – а ушла из Кировского с четырехсот. Но когда я сказала: "Ленюш, так невозможно, у меня семья, я вещи стала продавать", он бросил мне: "Стяжательница! Ты зачем сюда пришла?" Я замолчала, потому что действительно пришла не за деньгами, а за балетмейстером Якобсоном. Да, без денег нельзя. Но я хочу, чтобы внук понимал: не ради них надо жить... Он растет чутким ребенком. Мы смотрели "Сильфиду" в Мариинском театре, и мне нравилось, как он реагировал: зал не аплодировал, а он весь был на сцене и вдруг начинал сам хлопать – значит, что-то индивидуально понравилось.

– А каковы ваши впечатления от того спектакля?

Я ходила посмотреть на Марину Чиркову: с ней и Майей Думченко занималась приватно. Сама атмосфера в театре убивает: кажется, кордебалет мысленно витает где-то возле собственных дач и машин. Они не думают о том, где они. Скучно. Это же Мариинский театр! Гергиев делает огромное дело. Я слушала "Силу судьбы" – высший европейский класс. А что же балет?

– Вас часто называли Настасьей Филипповной – и в Жизни, и на сцене. Какая героиня сейчас отвечает вашему самоощущению?

– А все та же Настасья Филипповна... Помню, мы с Никитой начали разучивать его Анданте на музыку Чайковского – эта работа тогда буквально вытащила меня из пропасти. Вдруг он появился на репетиции в каком-то кучерявом паричке. Я сразу сказала: "Так нельзя. Это номер про нас. Мы, с нашим возрастом, пришли рассказать о том, что пережили, не надо подделываться под молодых, доказывая, что нам еще можно выходить на сцену". Не надо бояться того, что есть.

Не могу сказать, что мечтаю о какой-то конкретной роли... Хотя нет, есть заветная мечта – "Гарольд и Мод". Ей – 80, ему – 20. Я бросила эту идею Белинскому, благо мне еще можно подождать до 80-ти. Ко мне часто приходят шальные идеи. А уж как они претворятся в жизнь, неизвестно. Я выхожу, чтобы понять, смогу ли со сцены рассказать о прожитом, о том, что дорого, что причиняло боль. Может, опять получится, помните, как у Вайды, – "все на продажу". Но я считаю, любой актер имеет на это право.

Беседу вела
Юлия ЯКОВЛЕВА
Санкт-Петербург